ПЕРВЫЕ ШАГИ ТАТАРСКОГО ТЕАТРА

«И на татарской почве может хорошо привиться родное нам и дорогое театральное искусство»

22 декабря 2006 г. исполняется сто лет татарскому национальному театру. В течение короткого времени поднявшийся до профессиональных высот, послуживший примером родственным тюркским народам в создании их национального театрального искусства, татарский театр вот уже на протяжении века верно и самоотверженно трудится во благо своего народа. Нет лучшего повода, чем юбилей, чтобы вспомнить историю театра и людей, стоявших у его истоков.

Театр — искусство, прежде всего, городское. Татары имели крупные общины в ряде городов Поволжья и Приуралья. И хотя эти общины, пытаясь сохранить мусульманские традиции и привычный уклад, жили довольно замкнуто от окружающего их русского мира, так или иначе они соприкасались с ним. Учебные заведения, публичные театральные представления и другие культурные явления, присущие русской городской жизни, вызывали интерес, притягивали к себе наиболее любознательных татар.

Еще в первой половине XIX в. Карл Фукс отмечал: «Татары охотно принимают участие и в наших публичных увеселениях, в театрах и маскарадах, а некоторые из почетных их сограждан бывают на обедах, даваемых по какому-нибудь случаю казанским купеческим обществом… Хотя женщинам их и не позволяется быть в наших публичных собраниях, но они с большою охотою приезжают к качелям, бывающим здесь в Троицкую неделю на Арском поле, и смотрят из своих кибиток, стоящих в некотором отдалении от зрелища. Также во время весеннего разлива Казанки можно их видеть толпами у биржи на Булаке, покупающих любимые их пестрые фарфоровые чашки и стаканчики. Из этого видно, что татары и татарки любят принимать участие в наших увеселениях»[1].

Зарождение интереса к профессиональному театру, естественно, прежде всего было связано с той частью татарского общества, которая вместе с русской службой или, позднее, с русским (европейским) воспитанием и образованием получила возможность знакомства с театральным искусством. Представители таких «благородных» татарских фамилий, как, например, Алкины, уже в середине XIX в. считали престижным для себя иметь абонемент в театр, а во второй половине века стали изредка вывозить в театр и женщин. Конечно, те татары, которые бывали на театральных представлениях, могли лишь мечтать о времени, когда и у них появится своя сцена. Мысль о татарском театре уже тогда витала в воздухе. Во второй половине века под влиянием просветительских идей она стала приобретать практические очертания. Появились первые пьесы: «Несчастная девушка» Г. Ильяси, «Комедия в Чистополе» (была опубликована без указания имени автора) и др. Есть сведения, что пьесу Г. Ильяси уже в 1887-1888 гг. ставили на домашней сцене в его доме.

В конце столетия русский театр начали посещать татары не только из дворянских и чиновничьих семей, но и средние слои — купеческая молодежь, учащиеся Казанской татарской учительской школы (КТУШ) и даже шакирды медресе. Писатель Г. Исхаки, в то время шакирд Приозерного медресе в Казани, в автобиографии так описывал свое первое посещение театра: «Когда я еще совсем не знал по-русски, первый раз пошел в русский театр Казани. Смотрел пьесу “Блуждающие огни”. Хотя я не понимал языка, следил за формой и содержанием и понял важность и необходимость литературы театрального типа. Уверенный, что и у нас должны быть театральные произведения, воодушевленно написал пьесу “Жизнь с тремя женами”. Его (это. — *А. М.*) и другие написанные до него произведения сочинял под влиянием турецкой литературы»[2]. Надо полагать, Г. Исхаки неоднократно бывал в русском театре (первое посещение состоялось не позднее 1897 г.). Это повлекло за собой появление его первой пьесы, написанной в 1900 г.

Другой результат посещений русского театра шакирдами — рост интереса к изучению русского языка. Вот как об этом вспоминал драматург Г. Камал: «Театр интересен, но я плохо знаю русский язык; не могу понять содержание. Однажды было поставлено “Садко”. Мой товарищ за полтинник приобрел где-то эту книгу, и мы вдвоем с ним, раскрыв перед собой словарь Насыри, начали читать. В то время я изучал русский язык у Миргаяза Иманаева и нередко просил его разъяснить нам слова, которых не было в словаре или смысл которых мне был непонятен. Так, хотя и с трудом, я стал понимать “Садко”. В медресе мы с товарищами неоднократно перечитывали “Садко” и с каждым разом все больше понимали его»[3].

На рубеже XIX-XX столетий в среде немногочисленной татарской интеллигенции нашлись люди, решившие использовать театральные постановки для оживления начинавшей формироваться татарской общественной жизни, для пробуждения интереса к театру. В одном из декабрьских номеров газеты И. Гаспринского «Тарджеман» (Переводчик) за 1898 г. было помещено сообщение о том, что в Казани не только появилась мысль поставить спектакль на татарском языке, но и надежда сыграть его в начале будущего года. Известно, что с зимы 1897-1898 гг. в Казани начало работать мусульманское благотворительное общество, поставившее своей целью не только помощь нуждающимся мусульманам, но и их просвещение. Среди его активных организаторов были такие авторитетные личности, как первый председатель общества инспектор КТУШ Ш. И. Ахмеров

и внук легендарного Шамиля М.-З. Шамиль.

Ш. И. Ахмеров и учителя русского языка и словесности учительской школы сыграли большую роль в сближении с театром учащихся КТУШ. Здесь было хорошо поставлено преподавание словесности. Учителя сумели привить учащимся любовь к русской литературе. Они рекомендовали учащимся литературные произведения не только для чтения, но и для заучивания наизусть. Практиковалось чтение драматических произведений по ролям. На рубеже XIX-XX вв. дело дошло и до организации спектаклей.

Из газеты «Казанский телеграф» мы можем узнать, что зимой 1897-1898 гг. в КТУШ силами учащихся был поставлен спектакль на русском языке. «Шли пьесы "Ревизор" (2-й акт), "Женитьба" — комедия в трех действиях бессмертного Гоголя и комедия водевиль "Вытурил", — сообщал корреспондент газеты в статье "Спектакли в Казанской татарской учительской школе". — Если не считать некоторых маленьких недочетов исполнения, можно без преувеличения сказать, что пьесы "Женитьба" и, особенно, "Вытурил" прошли превосходно — некоторые сценки производили такую иллюзию, как-то не верилось, что на этой маленькой сцене играют артисты-любители и исключительно татары, не так давно едва умевшие ясно объясняться по-русски. Вообще юные мусульмане не ударили… в грязь лицом перед избранной мусульманской публикой (русских было сравнительно немного) и лишний раз доказали, что и на татарской почве может хорошо привиться родное нам и дорогое театральное искусство»[4] (документ № 1).

Таким образом, первая же попытка театральной постановки в КТУШ на русском языке оказалась весьма удачной. Сохранились также сведения о том, что успех этого вечера привел участников к мысли о подготовке спектакля и постановке пьесы на татарском языке, однако Ш. И. Ахмерову не удалось получить на это разрешения попечителя учебного округа и казанского полицмейстера. Возможно, в упомянутом сообщении газеты «Тарджеман» речь шла именно об этом факте. Спектакли же и литературные вечера на русском языке в КТУШ с этого времени стали регулярными, постепенно приучая ее воспитанников, шакирдов медресе и их друзей к театральным постановкам.

В. Бахтияров, в то время шакирд медресе «Мухаммадия», писал в воспоминаниях, посвященных писателю Ф. Амирхану: «Каждую зиму учащаяся в Татарской учительской школе молодежь ставила несколько раз, к Пасхе и Рождеству, спектакли на русском языке. Не проходило зимы, чтобы не показывали знаменитого "Ревизора"… Шакирды "Мухаммадии" приходили на спектакли, поставленные в учительской школе лишь в качестве зрителей»[5]. Дело в том, что среди учащихся КТУШ к концу XIX в. было немало бывших шакирдов, которые продолжали общаться с друзьями из медресе.

Однако и мусульманское благотворительное общество не оставляло мысли использовать театральные постановки в благотворительных целях. Много энергии для ее осуществления отдал М.-З. Шамиль. Он добивался разрешения городских властей, договаривался с труппой, развернул агитационно-пропагандистскую деятельность среди жителей татарских слобод… Наконец 27 января 1901 г. в здании городского театра собралось до 400 зрителей-татар (небывалое до сих пор в истории театра количество!). Трудно даже представить, сколько усилий пришлось приложить М.-З. Шамилю и другим устроителям вечера, чтобы подвигнуть такую массу татар на посещение театра. На сцене тогда играли пьесу А. Н. Островского «Волки и овцы» и водевиль Шмитгофа «Волжский вальс», в антрактах звучала музыка в исполнении театрального оркестра. На вечере в пользу мусульманского благотворительного общества было собрано 760 рублей.

Газета «Казанский телеграф» откликнулась на это событие очередной статьей, на основе которой и газета «Тарджеман» 14 февраля 1901 г. в рубрике «Из жизни наших мусульман» поместила сообщение (документ № 2). М. Парсин, лично знавший М.-З. Шамиля, в сборнике, посвященном 20-летию татарского театра, отмечал: «Он всегда рассказывал, что хотел хотя бы половину спектакля поставить на татарском языке, но власти не давали разрешения; что фанатичные муллы, ведущие за собой завсегдатаев Сенного базара, и темные богачи также резко выступали против спектак-

лей на татарском языке, угрожали разгоном благотворительного общества»[6]. Необходимо отметить, что и коллектив русского театра прикладывал немало усилий, чтобы привлечь зрителей-татар на свои спектакли. Газета «Казанский телеграф» регулярно сообщала о таких шагах руководства театра. Например, в номерах газеты за 19 сентября 1901 г., 8 октября 1902 г., 11 сентября 1903 г., 31 декабря 1903 г. и других помещены сообщения об издании либретто спектаклей на татарском языке, а также статьи, посвященные проблеме устройства лож для мусульманок в театре и т. д. (документ № 3).

На рубеже XIX-XX вв. в татарских частных домах во время праздников стали организовываться литературно-музыкальные вечера, ставиться небольшие сценки. Это были известные в Казани дома Алкиных, Ахмеровых, Терегуловых, Габитовых, Аитовых, Саиновых, где росли дети, обучавшиеся в русских гимназиях, реальных училищах, университете и т. д. Главы этих семей были представителями той немногочисленной татарской интеллигенции, которая, как правило, получила профессиональное среднее или высшее образование в государственных учебных заведениях. Будучи чиновниками, они тесно общались с представителями русского общества как по службе, так и вне ее.

Именно с домом Габитовых связана организация известных нам первых спектаклей на татарском языке в Казани. Ш. Габитов, происходивший из ташкентских купцов, многие годы служил драгоманом (переводчиком) при российском консульстве в Кульдже (Восточный Туркестан, Китай). После смерти главы семьи в начале XX в. его жена Гафифа и дети Гариф, Исмагил, Зайнаб, Рабига переехали в Казань. В их доме на Первой горе (ныне ул. Ульяновых, д. 31) и был поставлен первый татарский спектакль. Инициатором постановки стал кружок татарской молодежи, учившейся в высших и средних русских учебных заведениях города. Молодые люди стремились не только приобщиться к русской и западноевропейской культуре, но и познать свои национальные корни.

Первое занятие кружка состоялось осенним субботним вечером 1903 г. в доме Ахмеровых. Участвовали в нем Суфия, Сара и Ильяс Ахмеровы, братья и сестры Габитовы, Амина и Мадина Терегуловы, Фати-



Члены кружка «Шимбә». Слева направо: сидят — Р. Габитова, Х. Галим, М. Губайдуллина, З. Габитова; стоят — Г. Губайдуллин, Г. Богданова, Ш. Мухамедьяров. Газиз Гобәйдуллин: Фәнни-биографик җыентык = Газиз Губайдуллин: Научно-биографический сборник / Төз. авторлар С. Гобәйдуллин, Э. Кульпин-Гобәйдуллин, Р. Мәрданов, И. Һадиев. – Казан, 2002. – 336 б. (кушымта).

ма-Зухра, Зайнаб и Султан Саиновы, а также их родственники и друзья. Было решено, что заседания будут проводиться в одном из четырех домов (Ахмеровых, Терегуловых, Саиновых и Габитовых) поочередно каждую субботу. Кружок в связи с этим получил название «Шимбә» (Суббота).

Ф. Амирхан в статье «В связи с десятилетием нашей сцены»[7], опубликованной в 1916 г. в журнале «Аң» (Сознание), вспоминал: «Была осень 1903 г. Татарская молодежь, обучавшаяся в то время в русских учебных заведениях Казани, составила кружок и собиралась еженедельно вечером в субботу на квартирах нескольких интеллигентных семей. На этих вечерах читались произведения на русском языке, имевшие отношение к исламу, и кое-что из русской литературы. Иногда зачитывались и обсуждались доклады, написанные членами общества на разные темы».

Р. Габитова в своих воспоминаниях, написанных в 1952 г.[8], также отмечала: «В конце 1903 — начале 1904 г. по инициативе ученика Казанской художественной школы Измаила и брата его Гарифа Габитовых организовался кружок учащихся молодых мусульман». Указав, что «они были более знакомы с русской и западноевропейской литературой и мало или почти не уделяли внимания родной литературе, были как-то оторваны от нее», она подчеркнула, что постепенно выработалась основная цель кружковцев — «изучение художественной литературы мусульманского Востока, главным образом, татарской литературы».

Характеризуя членов кружка, Ф. Амирхан пояснял: «В то время татарские юноши и девушки, учащиеся в русских школах, за редким исключением, не умели читать и писать по-татарски. Поэтому некоторые члены кружка, стремящиеся придать ему национальный вид, пригласили одного-двух шакирдов медресе, чтобы они знакомили членов кружка с вещами, написанными по-татарски. С этого времени на заседаниях кружка начали знакомиться с национальной художественной литературой»[9]. Этими шакирдами были Ф. Амирхан и Г. Мустафин, а также хальфа медресе «Мухаммадия» Г. Нугайбеков.

На первых порах на заседаниях кружка «Шимбә» беседа и чтения велись лишь мужчинами (гимназисты, студенты, начинающие писатели, служащие), а девушки могли только слушать. Со временем смелели, набирались опыта девушки, которые стали также принимать участие в дискуссиях. Споры шли вокруг тех же проблем, какими была занята литература того времени: роль образования, просвещения в прогрессе нации, раскрепощение личности, воспитание нового человека, воспитание детей в семье и т. д.

«Каждое собрание начиналось чтением и разбором избранной на этот день литературы, потом чаепитие и разные развлечения как на всяких вечеринках. В 12 часов расходились по домам», — вспоминала Р. Габитова. «На заседаниях этого кружка, объединявшего татарскую молодежь, обучавшуюся в русских школах, и стремившегося втянуть ее в татарскую жизнь, не только читали и обсуждали разные произведения. Находилось время и для вполне приличных и безмятежных игр. Было весело, оживленно и очень душевно. Если не ошибаюсь, в этом кружке в разное время было от двадцати до тридцати членов», — рассказывал Ф. Амирхан.

В кружок в разное время входили также Мулланур и Набиулла Вахитовы, Суфия, Гафур и Каюм Кулахметовы, Гайша Богданова, Марьям и Газиз Губайдуллины, Хадича и Хусаин Ямашевы, Шариф Сунчелей, Шакир Мухамедьяров, А. Мамлеев, Х. Галимов и др. По сведениям Р. Габитовой, к концу 1904 г. в кружок «Шимбә» входило уже 39 человек, в том числе 10 студентов, 2 ученика художественной школы, 3 гимназиста, 7 гимназисток, 6 учащихся реального училища, 4 шакирда. Можно с уверенностью утверждать, что сюда была вхожа практически вся учащаяся в русских школах молодежь.

«После того, как разок поставили домашний спектакль на русском языке, этот кружок учащихся зимой 1903 г. счел необходимым поставить домашний спектакль и на татарском языке. Тогда на татарском книжном рынке театральных книг почти не было, а то немногое, что имелось, было переводом с турецкого языка или подражанием ему. Написанные же для театра произведения господина Г. Камала были неудобны для игры в бумажных декорациях

частных домов, — писал Ф. Амирхан. — Первая татарская постановка этого кружка состоялась в квартире Гафифы-ханум Габитовой на Первой горе. Если не путаю, поставили "Жалкое дитя". Более половины игравших нуждались в помощи со стороны даже для того, чтобы правильно прочитать роли, а некоторые даже при оказанной помощи не могли правильно произносить слова».

«Жалкое дитя» — произведение турецкого писателя-просветителя XX в. Н. Кемаля, переведенное Г. Камалом и изданное в 1900 г. Постановку по нему можно, на наш взгляд, считать первым спектаклем на татарском языке. Он был поставлен на домашней сцене и примечателен тем, что в нем юноши и девушки играли вместе. По воспоминаниям Р. Габитовой, на спектакле присутствовало около 50 человек — родственников и друзей кружковцев. «Все же первый татарский спектакль был сыгран с большим подъемом и любовью. И, несмотря на небольшой размер помещения и тесноту, уважаемые лица, приглашенные в большом количестве в гости, приняли игру с любовью и удовольствием», — отмечал Ф. Амирхан.

Вскоре окрыленные первым успехом кружковцы поставили еще один спектакль, на этот раз по пьесе турецкого автора Г. Хамита в переводе Г. Карама «Горе от любви». В письме к другу Р. Алуши от 9 февраля 1904 г. Ф. Амирхан отмечал: «В начале зимы вместе со студентами и гимназистками мы сыграли два спектакля на татарском языке. Одно — "Жалкое дитя", другое — "Горе от любви". Я играл Халиля в пьесе "Жалкое дитя" и Габдулсамата-эфенди в "Горе от любви". Народ оказал должное внимание и одобрение».

«Таким образом, театральные постановки на татарском языке превратились в одно из любимых занятий кружковцев. Естественно, основными игроками были те из кружковцев, кто лучше владел татарским языком и лучше знал татарскую жизнь. Те же, кто находился несколько в стороне от этой жизни, сами по себе обрабатывались здесь, незаметно втягиваясь в эту среду, — писал Ф. Амирхан. — Когда речь идет об этом периоде татарской сцены, невозможно не вспоминать как первых участников и успешных исполнителей семью Габитовых, вообще семью Ибрагима-абзый Терегулова и детей покойного Ш. Ахмерова».

Татарское общество того времени — это фактически два мира, представлявшие Восток и Запад, две цивилизации. И если члены кружка «Шимбә» представляли западный, а шакирды «Мухаммадии» — восточный мир, то учащиеся КТУШ в большинстве своем находились как бы посередине. В это же время, следуя примеру учащихся КТУШ и кружка «Шимбә», свой спектакль задумали поставить и шакирды, которые уже имели опыт проведения литературно-музыкальных вечеров. Для постановки выбрали первое произведение Г. Камала «Несчастный юноша». Приспособив пьесу к своим возможностям, шакирды начали репетиции в одном из номеров гостиницы «Сарай». Получается, что представители мусульманской и европейской цивилизаций в татарском обществе, жившие обособленно друг от друга, нашли общую точку соприкосновения, общий интерес — театр. Он стал связующим звеном между шакирдами и европейски образованной молодежью.

Долгожданное событие случилось в один из четвергов в декабре 1903 г. Вечером, когда руководитель медресе Г. Баруди и все хальфы ушли в гости (об этом шакирдам стало известно заранее), в коридоре третьего этажа медресе соорудили нечто вроде сцены и перед зрителями (было 15-20 шакирдов) развернулось действо. Из воспоминаний известны нам и имена его участников: Ибрагим Амирханов, Султан Рахманкулов, Халил Абулханов, Вафа Бахтияров. Естественно, и женские роли играли юноши — Габдрахман Мустафин и Касим Габдуллин. Организатором постановки был Ф. Амирхан.

В апреле 1904 г. «труппа», воспользовавшись болезнью Г. Баруди, поставила в медресе еще один спектакль. На этот раз осмелевшие «артисты» на просмотр спектакля пригласили и нескольких шакирдов из других медресе. Но все же медресе было не лучшим местом для постановки пьес. И в дальнейшем шакирды перенесли спектакли в дом Вахита-муэдзина из Ново-татарской слободы, чей сын Махмуд Алиев был шакирдом «Мухаммадии». Репертуар был расширен, добавились еще две пьесы — «Несчастная девушка» Г. Ильяси и «Опро-

вержение несчастной девушки» Ф. Халиди.

Так с зимы 1903-1904 гг. в Казани началось увлечение «домашними» спектаклями. Хотя вместимость помещений была небольшой (максимум 20-50 человек), эти представления способствовали популяризации театрального искусства среди татарской молодежи и создавали почву для зарождения публичных постановок. Не только учащаяся молодежь, но и причисляющие себя к сторонникам прогресса взрослые



Обложка пьесы Г. Ильяси «Бичара кыз» (Казань, 1887).
Из фондов Национальной библиотеки РТ.

были не прочь посетить эти представления.

На спектакли в домах Ахмеровых и Габитовых, как правило, приглашалась «благородная» публика, а в дом Вахита-муэдзина, хотя и с опаской, приходили шакирды, приказчики и другие жители татарских слобод. Разговоров же об этих постановках было еще больше, чем зрителей. Отметим, что участие в представлениях не только в качестве артистов, но и в качестве зрителей требовало от молодых людей и смелости, и мужества, ибо это было вызовом старому миру. Вне сомнения, первые «домашние» театральные постановки способствовали пробуждению татарского общества, производя не меньшую «революцию в умах», чем новая литература и джадидские школы.

Первая российская революция возродила к жизни многие национальные вопросы. «С 1905 г. в среде татар Поволжья стало усиленно развиваться национальное оживление, получившее религиозную окраску и выразившееся и в устройстве мечетей даже в небольших деревнях, и в открытии школ, и в издании литературных произведений, — подчеркивал председатель Совета министров России П. А. Столыпин в доверительном письме обер-прокурору Синода С. Лукьянову от 19 сентября 1909 г. — Повсеместно у татар возрос интерес к просвещению, стремление к сознательной жизни, к национальному самоопределению»[10].

Развивался и «домашний» театр. «Кажется, весной 1905 года для расширения этих “домашних постановок” и, в некотором роде, использования их для общения, для объединения, была проявлена некая инициатива: в здании русско-татарской женской школы, разместившейся в доме Алкиных на Екатерининской улице, была поставлена пьеса под названием “Несчастная девушка”. Для просмотра было приглашено около сорока зрителей. Это уже можно считать частичным выходом татарского театрального действа на публику», — писал Ф. Амирхан. «Несчастная девушка» принадлежала перу Г. Ильяси и была первой по времени опубликования (1887) татарской пьесой. Хотя Ф. Амирхан не указал, кто играл в ней, можно предположить, что это были члены кружка «Шимбә». Ведь русско-татарскую женскую школу возглавляла Х. Ахмерова. По всей вероятности, именно по просьбе своих детей и их друзей она согласилась организовать выступление кружковцев в ее школе.

Весной 1906 г. «домашние» театральные постановки гораздо смелее стали выходить на публику. Почти одновременно в апреле-мае были сыграны первые, по-настоящему публичные спектакли на татарском языке в двух городах — Уфе и Казани.

21 апреля свой спектакль по пьесе Г. Исхаки «Жизнь с тремя женами» в пользу бедных и нуждающихся шакирдов поставили уфимцы. В сообщении из Уфы об этом событии, помещенном в газете «Казан мөхбире» (Казанский вестник) от 30 апреля 1906 г., названы и основные исполнители: Зухра, Уммугульсум и Хабибулла Ахтямовы, Хадича ханум, Фахрелхаят и Касим Девлеткильдиевы, Гумер Терегулов, Гусман Фаизханов, Шайхаттар Абызгильдин.

В Казани публичный спектакль на татарском языке был поставлен 5 мая в зале Союза приказчиков. Разрешение на проведение театрального вечера было получено И. Терегуловым у казанского полицмейстера. Играли «Жалкое дитя» и «Горе от любви». В спектаклях участвовало более двадцати членов «Шимбә»: А. Терегулова, С. Кулахметова, Ф. Саинова, З. и Р. Габитовы, Ф. Амирхан, К. Кулахметов, И. Кулиев, Р. Меликов, Г. Мустафин, Г. Ниязбаев, С. Рахманкулов, Р. Тенишев и др. «Когда в апреле 1906 года в здании Союза работников торговли ставился первый официальный спектакль на татарском языке, и участниками, и теми, кто старался для того, чтобы он состоялся, в большинстве своем были оставшиеся в Казани “субботяне” и люди, участвовавшие в “домашних постановках” прежних лет», — вспоминал спустя десять лет Ф. Амирхан.

Зрительный зал, вмещавший около ста человек, был полон. Событие было воспринято общественностью как настоящий праздник нации. Представление шло до двух часов ночи и вызвало восторженные отзывы зрителей. «Спектакль прошел как новинка для Казани, весьма блестяще... — отмечала газета “Волжский курьер” в номере от 9 мая 1906 г. — Ввиду успеха спектакля и несомненной пользы его для мусульман в смысле развития, весьма желательно, чтобы он не был последним и был повторен в непродолжительное время».

Однако в силу ряда причин отсчет истории татарского театра ведется не от этого события, так же, как и не от даты публичного спектакля в Уфе. Театроведы считают эти спектакли своего рода генеральной репетицией перед выходом на большую сцену. Официальным днем рождения татарского национального театра стало 22 декабря 1906 г. В тот день в Новом клубе Казани был поставлен публичный спектакль

Важно подчеркнуть то, что какой бы день не считался официальной датой рождения татарского театра — 21 апреля, 5 мая или 22 декабря, — это были настоящие публичные постановки. Нужно особо подчеркнуть смелое начинание девушек, первыми в истории тюркских народов, вышедших на публичную сцену.

В 1907 г. женская половина кружка «Шимбә» подготовила спектакль «Жалкое



Участники спектаклей, поставленных только для женщин. 1906-1907 гг. Татар театры (1906-1926). – Тупландырырлган 2нче басма. – Казан, 2003. – 308 б. (кушымта).

(игрались те же, что и 5 мая, пьесы).

«Конечно, многого не доставало в игре артистов, немало было технических недостатков в исполнении… — самокритично отмечала Р. Габитова. — Главный успех спектакля заключался не в игре одной. Важно было значение его как первого толчка, разбудившего татар от их вековой спячки, как первого шага, пробившего дорогу в области театрального искусства». Из воспоминаний Р. Габитовой известны также имена некоторых актеров: А. Терегулова, выступавшая под фамилией Гиреева, З. Габитова (Султанова), Р. Габитова (Тарханова), С. Кулахметова (Мурадова), Ш. Мухамедьяров, Г. Сейфульмулюков (Газизов), Ш. Сунчаляев (Субаев) и др. На фотографии, сделанной после представления, можно насчитать 19 человек взрослых и 5 детей.

дитя» и 22 декабря дала специальное представление для женщин. Сборы от спектакля были предназначены для родильного дома. Газета «Эль-Ислах» в номере от 24 декабря 1907 г. отмечала, что все исполнительницы прекрасно справились со своими ролями и что особенно очаровали зрительниц своей игрой артистки, выступавшие под псевдонимами Мурадова (Гата) и Кадырова (Шафика).

М. Вахитов, как свидетель и участник первых театральных опытов татарской молодежи, в статье «Театральные искры. Первые лучи нового солнца» в 1912 г. писал: «В светлые, счастливые часы истории, когда жизнерадостный сонм новых идей, подобно океанскому кораблю, разбудил берега русской действительности, когда с громким криком освобождения вскрылись источники буйных эмоций, в атмосфере

подъема возник татарский театр. Все, что было у татар юношески-вдохновенного, мужественно-величавого, собралось у жертвенника нового храма… Как во все времена и у всех народов, новое начинание было встречено враждебно. Предстояла тяжелая и мучительная борьба. Ханжи и невежды разных толков сошлись в своем приговоре по адресу лиц, принявших на себя инициативу возвышенного дела»[11].

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Карл Фукс о Казани, Казанском крае: Научно-биографический сборник. – Казань, 2005. – С. 220-221.
2. Исхакый Г. Әсәрләр. 15 томда. – Казан, 2003. – 4 т. – Б. 450.
3. Камал Г. Әсәрләр. 15 томда. – Казан, 1950. – 2 т. – Б. 254.
4. Казанский телеграф. – 1897. – 30 декабря.
5. Фатих Әмирхан турында истәлекләр. – Казан, 2005. – Б. 34.
6. Парсин М. Егерме ел эчендә татар театры // Татар театры (1906-1926). Тулыландырылган 2-нче басма. – Казан, 2003. – Б. 84.
7. Әмирхан Ф. Сәхнәмезнең ун яше мөнәсәбәте белән // Әмирхан Ф. Әсәрләр. 4 томда. – Казан, 1986. – 4 т. – Б. 148-151.
8. НМ РТ, п. 1, ед. хр. 10.
9. Здесь и далее воспоминания Ф. Амирхана приведены в нашем переводе по книге: Әмирхан Ф. Әсәрләр... – Б. 148-151.
10. РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 800, л. 51.
11. Мулланур Вахитов: Жизнь и деятельность пламенного революционера-ленинца. – Казань, 1985. – С. 23.

№ 1. Спектакли в Казанской татарской учительской школе («Ревизор», «Женитьба» Гоголя и «Вытурил»)

Спешим поделиться с читателями светлыми впечатлениями, вынесенными нами из спектакля, состоявшегося третьего дня в стенах названного выше учебного заведения (КТУШ. – *А. М.*), этого единственного просветительного учреждения для татар-мусульман всего обширного края восточной России.

Шли пьесы «Ревизор» (2-й акт), «Женитьба» – комедия в трех действиях бессмертного Гоголя и комедия-водевиль «Вытурил». Если не считать некоторых маленьких недочетов исполнения, можно без преувеличения сказать, что пьесы «Женитьба» и, особенно, «Вытурил» прошли превосходно – некоторые сценки производили такую иллюзию, как-то не верилось, что на этой маленькой сцене играют артисты-любители и исключительно татары, не так давно едва умевшие ясно объясняться по-русски. Вообще юные мусульмане не ударили себя* в грязь лицом перед избранной мусульманской публикой (русских было сравнительно немного) и лишний раз доказали, что и на татарской почве может хорошо привиться родное нам и дорогое театральное искусство. Из исполнителей выделились в первой пьесе («Женитьба») гг. Чанбарисов (Подколесин), Чанышев (Яичница), Терегулов (Кочкарев) и, особенно, Искандеров (Сваха); во второй пьесе положительно были все хороши – особенно живо были проведены роли Сморчкова (Казаков – бывший ученик школы), Радикалова (Хасанов) и немки (Мулюков). Все женские роли выполнялись учениками и удались как нельзя лучше. Роль невесты Агафьи Тихоновны (из «Женитьбы») особенно подходила к г-ну Кинзикееву. Заметно, что исполнители стеснялись, но вообще видно добросовестное отношение к делу, некоторые настолько хорошо знали свои роли, что обходились без помощи суфлера. Даже неблагодарные роли Анучкина, Жевакина, Старикова, Арины Пантелеймоновны, Хренова, Базарова и другие были разыграны весьма недурно гг. Ханбековым, Ахметвалиевым, Хайбуллиным, Алимбековыми 2-м и 1-м и Мамлеевым.

Г. Чанбарисов великолепно прочитал заключительный монолог: «Теперь я только узнал, что такое жизнь, теперь передо мной открылся совершенно новый мир. Теперь я вот вижу, что все это движется, живет. Чувствуешь, этак как-то испаряешься, как-то этак, не знаешь даже сам, что делается. А прежде я ничего этого не видел, не понимал, т. е. был просто лишенный всякого сведения человек, не рассуждал, не углублялся, я жил, как и всякий другой человек живет...».

2-й акт «Ревизора» прошел не так оживленно, как «Женитьба».

Все-таки даже и одна попытка к постановке на татарской сцене такой пьесы, как «Ревизор», уже заслуживает внимания и извиняет те неудачи, шероховатости в исполнении юных артистов. И заправские артисты далеко не все справляются удачно с ответ-

* Так в документе.

ственными ролями Хлестакова и Сквозника-Дмухановского, предъявлять же строгие требования к молодым воспитанникам школы было бы несправедливо и необоснованно. Спасибо и на том, что мы видели. Декоративная часть, конечно, для любительской сцены не оставляла желать ничего лучшего. Занавес изображает в верхней своей части вид Кремля со стороны Казанки, а снизу – памятник Н. И. Лобачевскому, глобус и разные учебные пособия. Во время антракта играл маленький оркестр – скрипка (Субханкулов), гармония и аристон. Слышались унылые, задушевные нотки «Матушки-голубушки».

О пользе таких спектаклей в школе вообще и в татарской, в особенности, нечего и говорить. Желательно только, чтобы повторялись они чаще.

Казанский телеграф. – 1897. – 30 декабря.

№ 2. Из жизни наших мусульман

[…] В Казани еще новость, и новость получше: состоялся первый спектакль в пользу местного мусульманского благотворительного общества. Спектакль этот является знаменательным фактом в жизни казанских татар – зрительный зал в первый раз за все время существования городского театра вмещал в себя такую массу правоверных (до 400 человек). Казанский театр редко когда видел в стенах своих более 15-20 человек татар (фабричный театр Алафузовского общества в этом отношении перещеголял городской). Удалось расшевелить казанских мусульман и привлечь в театр энергичному М.-З. Шамилю. Нельзя не пожелать от души г. Шамилю и впредь такого же успеха в данном направлении, тем более что и спектакль был обставлен интересно и в сценарном, и в материальном отношении.

Была удачно разыграна пьеса «Волки и овцы» и водевиль «Волжский вальс».

Труден ведь почин; далее он станет обычаем, играющим столь доминирующую роль в жизни восточных народов. Театр, литературные вечера, чтения, где можно на русском, а где следует на татарском языке, должны внести много нового, свежего в татарскую среду.

Кто знает, говорит «Казанский телеграф», быть может, с легкой руки устроителя первого спектакля в пользу мусульманского общества г. Шамиля казанский театр заручится симпатиями новых зрителей – обывателей Забулачной части города.

Во всяком случае спасибо, г. Шамиль.

Тарджеман. – 1901. – 14 февраля.

№ 3. К сведению мусульман

Администрация Казанского городского театра в лице режиссера оперы Н. Н. Боголюбова, желая популяризировать оперный театр в среде татарского населения Казани, решила издать несколько оперных либретто на татарском языке. Первый почин таких изданий уже сделан. Только что появилось «Краткое либретто» оперы А. П. Бородина «Князь Игорь» – одной из лучших русских опер, в которой восточные мотивы занимают не последнее место.

В состав брошюры, изданной на двух языках – русском и татарском, помимо изложения содержания оперы, входит вступительная статья «Несколько слов о музыке восточных народов», что очень важно, т[ак] к[ак] показывает, что народы востока, в том числе и арабы, далеко не чуждались музыки, что она сопровождала и их моления, и военные походы, и работы. Далее в этой брошюре помещена краткая биография А. П. Бородина – творца оперы «Князь Игорь», написавшего не только музыку этой оперы, но и самый текст ее. Наконец, следует изложение содержания оперы. Считаем не лишним отметить, что здесь изложено «полное» содержание оперы, без тех исключений, какие допускает почему-то наша оперная администрация.

Так, она совершенно опускает 3-[е] действие оперы, что очень жаль, т[ак] к[ак] оно-то, по преимуществу, носит восточный характер, с[о] знаменитым «половецким маршем». Правда, и при этом сокращении опера сохраняет интерес, и если мы здесь указываем на этот пропуск, то для того, чтобы было внесено что-то излишнее.

Брошюра эта была составлена нами еще в прошлом году и находилась на рассмотрении С.-Петербургского цензурного комитета, которым и дозволена к напечатанию еще 14 декабря 1901 г.

Брошюра напечатана в типографии и словолитне торгового дома бр. Каримовых в Казани и издана очень опрятно.

Продается она в магазине «Восточная лира» и в кассе театра.

Казанский телеграф. – 1902. – 8 октября.

№ 4. Мусульмане – в театр

По поводу первого спектакля драматической труппы один из посетителей – интеллигентный мусульманин пишет нам: «В пятницу, 6 декабря, в городском театре на “Ревизоре” было много татар-учителей. Не считая учеников учительской школы, которых не-

редко можно встретить в театре, число одних шакирдов в этом спектакле доходило до 30-ти человек.

Почти у каждого шакирда в руках был “Ревизор”, переведенный на татарский язык в память 50-летия смерти Н. В. Гоголя. Они с нетерпением ждали поднятия занавеса, с живейшим интересом следили за ходом каждого действия и во время антракта читали содержание следующего действия».

Посещая городской театр, автор пришел к следующим выводам: «Во-первых, – говорит он, – шакирды не посещают спектаклей от того, что они не понимают русского языка, во-вторых, хотя перевод “Ревизора” и не из удачных, однако, несомненно, перевод других крупных произведений имеет громадное значение для татар, и поэтому очень желательно, чтобы татарская интеллигенция старалась переводить на свой родной язык побольше произведений великих русских писателей».

Казанский телеграф. – 1902. – 10 декабря.

№ 5. Казанда беренче мәртәбә милли театр

Баку вә башка мөселман күп җирләрдә мөселманнарның үз телләрендә театрлар күптән уйналып килмәктәдер. Безем Казанда яшь фикерлеләремез арасында байтактан бирле сөйләнелсә дә вә күптән кирәк булса да, бәгъзы сәбәпләр берлән бу көнгә кадәр эш башламай торалар иде. 5 май кич Приказчиклар союзының залында Казанда беренче мәртәбә татар телендә театр уйналды. Әлегә кадәр дә үз телемездә уйнаулар булгаласа да, уйнаучыларның кардәш, дус-ишләреннән башка кешеләрә, театрларыны сирр (сер, яшерен эш. – *А. М.*) итмәюп, хосусый өйләрдә генә булгалый иде.

Уйнау өчен «Кызганыч бала» илә «Гыйшык бәласе» куелган иде. Уйнаучылар ашыгыч вакытта гына хәзерләнеп, беренче мәртәбәдә шул рәвешчә яхшы чыгара алулары өчен, шунда хазир булган кешеләргә «Әлегә кадәр җукка үз телемездә театрлар ачмай торганмыз икән, үз телеңдә үз тормышыңнан уйналса, бигрәк тәэсирле була икән» дип әйттерергә мәҗбүр иттеләр.

Залда тәнәфес вакытларында уйнар өчен музыкасы бар иде. Музыкачыларның күбрәге мөселманнан булганлыктан, иске мөселман көйләреннән «Тәфкиләү», «Озын су» кеби көйләр иде. Уен кич 9 сәгатьтән башлап 2 сәгатьтә тәмам булды. Театрда булган кеше һәммәсе үзләрендә бер хөсен (күркәмлек, матурлык. – *А. М.*) сизеп рәхәт-рәхәт (ләззәтләнеп, зәвыкланып. – *А. М.*) өйләренә таралдылар.

Билет алучы.

Казан мөхбире. – 1906. – 7 май.

№ 6. Казан хәбәрләре

22 декабрьдә Новый клубта татарча театр уйналды. 6 йөздән зиядә (артык. – *А. М.*) тамаша идүчеләрнең 10дан 9ы мөселманнар иде. Хатын-кызлар ирләргә нисбәтән азрак, ирләр кәләпүштән, хатын-кызлар калфак вә шәлдән улыб, миллилек заһир иде. Русча гомуми газеталарның бер кыйсеме театр вә музыкага тәхсыйс ителеп һәр көнге хәрәкәтләр бик нечкәләп тәнкыйть ителеп калса да, без әле алай тәнкыйтьләргә керешә алмыймыз, уйнаучылар аз хәзерләнүләренә һәм рольләренең иттифакый (очраклы. – *А. М.*) булуына карамаенча, рольләрен гүзәл башкардылар. Бик озын кул чабу вә тәхсиннәр тамашачыларның бик разый вә мәмнүн булуларын күрсәтә иде.

Татарча театр аерым шатлык әзһәр иткән яшь егетләр «Җәһел вә вәлиләр золымыннан химая җәмгыяте» исеменнән уйнаучыларга кызыл ленталы гүзәл букет тәкъдим иттеләр. Уйнаучылардан Ш. әфәнде букетны труппа исеменнән кабул итте һәм, котлаучыларга тәшәккер идеп, гүзәлчә нотык сөйләде.

Соңра Казан русча газеталарында театр кыйсемен язучы Юшков, нотык сөйләп, татарларны үз телләрендә театр уйнау илән тәбрик итте. Сүзен «Олуг татар милләте мәдәният юлында тиздән күп алга китәчәк» җөмләсе илә тәмам итте.

Пәрдәләр арасында музыка татарча көйләрне уйнап Новый клуб яңа рух өрә иде. Театр уеныннан соң бию-танцылар булды.

Тамашага килүчеләр уенны ясаучылардан хошнуд (разый, шат. – *А. М.*) калдыкларын сөйләп тәкрар ясалдыгын өмет итеп таралдылар.

Тамашага куелган «Кызганыч бала» илә «Гыйшык бәласы» уеннары икесе дә госманлычадан (төрекчәдән. – *А. М.*) тәрҗемә улып, театрда лисанымыздагы иң гүзәл әсәрләрдән түгелдер. Ләкин рөхсәт соралган башкаларына хөкүмәт мәэмүрләре тарафыннан тиздән рөхсәт ителмәдегеннән шуларны куярга мәҗбүрият күрелгән.

Казан мөхбире. – 1906. – 24 декабрь.

Публикацию подготовила
Альта Махмутова,
кандидат исторических наук